

Эдуард
ТОПОЛЬ

Россия в постели

Эдуард Тополь

Россия в постели

«Эдуард Тополь»

Тополь Э. В.

Россия в постели / Э. В. Тополь — «Эдуард Тополь»,

ISBN 978-5-17-026051-5

Эдуард Тополь – автор международных бестселлеров «Красная площадь», «Чужое лицо», «Журналист для Брежнева», «Красный газ». Его книги пользуются огромным успехом в США, Англии, Франции, Германии, Японии, Италии, Голландии и других странах. «Россия в постели». Кто сказал, что «в Советском Союзе секса не было»? Напрасно, господа, напрасно! Запретный плод – слаще вдвое... Хотите знать все о знаменитых московских «интердевочках»? Пожалуйста! Хотите выяснить, как забавно связывались «в годы не столь отдаленные» секс и криминал? Прошу вас! Таков Эдуард Тополь. Писатель, способный раскрыть самые шокирующие тайны «России в постели».

ISBN 978-5-17-026051-5

© Тополь Э. В.
© Эдуард Тополь

Содержание

От автора	5
Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Эдуард Тополь

Россия в постели

От автора

Эта книга – шутка. Возможно, кто-то скажет, что это грубая шутка или даже пошлая шутка. Но это уж, как говорится, дело вкуса. Книга была написана урывками, по утрам, в ванной комнате бродвейской гостиницы «Грейстоун» в 1981 году – больше как бы для «внутреннего» употребления, чем для печати. Пятнадцать лет советская пуританская цензура кромсала мои киносценарии, вымарывая из них все, что имело хоть какое-то отдаленное отношение к нормальным сексуальным отношениям мужчины и женщины, превращая героев моих фильмов в бесполох строителей светлого будущего, и теперь, в Штатах, я, что называется, отводил душу. Не скрою – иногда с перехлестами. И потому, наверное, не публиковал эту книгу нигде, кроме Голландии (1986 год), – там относятся спокойно и не к таким публикациям.

А в России она впервые всплыла в пиратском издании 1993 года и после этого пошла гулять по стране своими ногами, остановить ее оказалось уже невозможно. Да и зачем?

Конечно, меня не раз спрашивали мои близкие: как я мог такое написать? Разве можно так обнажаться, да еще публично! Но я не чувствую угрызений совести или смущения – перед взрослой, конечно, аудиторией. Ну а детям эти книги читать ни к чему, я для них, кстати, написал совсем другую книжку...

И последнее оправдание, если оно все-таки нужно. Несколько месяцев назад я случайно прочел в журнале «Ньюсуик» небольшую статью, которая меня сильно впечатлила. По заказу конгресса США, говорилось в статье, группа ученых провела определенное исследование и после целого года работы доложила о своих выводах. Выслушать их собралось больше ста конгрессменов и сенаторов. И докладчик, обведя глазами собравшихся, сказал: «Уважаемые господа, наше исследование позволяет мне утверждать, что все сидящие здесь мужчины являются мужчинами лишь вполовину того, что понимали под этим их отцы и деды». Иными словами, комиссия, которая занималась определением половой мощи мужчин в конце двадцатого века, пришла к выводу, что новое поколение мужчин куда более слабое в сексе, чем поколения предыдущие. Причем не только в эмоциональном, но и в самом прямом, физическом выражении. То есть, называя вещи своими именами, даже величина половых органов стала вдруг резко уменьшаться у новых поколений! И не только у людей, но и у крокодилов, орлов и прочих животных... Виноваты в этом, конечно, Чернобыли, ДДТ и все прочие «прелести», которыми человек отравляет нашу зеленую планету. Но бороться за чистоту планеты мне, пожалуй, не под силу. А вот сохранить для грядущих поколений хотя бы память о том, КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ в наше время, – задача вполне посильная. И уж если они не могут делать это так, как делали их отцы и деды, то пусть хоть почитают. Впрочем, иногда такое чтение даже лечит.

Москва – Нью-Йорк,
8 октября 1994 года
Эдуард Тополь

Часть I

Рукопись от Андрея

*...! как это слово,
Хоть для меня уже не ново,
Волнует, возмущает ум!
При свете дня, в тумане ночи
Она является пред очи,
О ней я полн игривых дум.
Ну так и кажется, что ляжки
Атлас я слышу под рукой,
И шелест задранной рубашки,
И взор краснеющей милашки,
И трепет груди молодой...*
Г. Державин

Глава 1

Что такое идеал русской бабы

*Растянута, полувоздушина,
Каллипсо юная лежит,
Мужчине грозному послушина,
Она и млеет и дрожит.
Одна нога коснулась полу,
Другая нежно на отлет,
Одна рука спустилась долу,
Другая к персям друга жмет.
И вьется кожей атласной,
И изгибается кольцом,
И изнывает сладострастно
В томлении пылком и живом.
Нет, нет! и абрис невозможно
Такой картины начертать.
Чтоб это чувствовать, то должно
Самим собою испытать.*
А. Полежаев, поэма «Сашка»

Кто-нибудь из вас имел идеальную русскую женщину? В самом центре России, в городе Горьком, что стоит над широким разливом знаменитой русской реки Волги, я, говоря по-английски, «занимался» любовью с той, которую до сих пор считаю идеалом русской женщины. В русском языке нет такого осторожного словосочетания, как «заниматься любовью», и смысл этого термина передают в России более грубыми словами, из которых самые цензурные – «иметь» и «трахаться». Итак, в самом центре России, в городе Горьком, я «трахнул», как я считаю, идеальную русскую женщину...

Конечно, многие могут спросить: а что это такое – «идеальная русская женщина»? Можете ли вы показать русскую Мэрилин Монро или Софи Лорен? К сожалению – нет. Конечно, в русском кинематографе есть несколько красоток в духе русских народных сказок, но даже если переспать со всеми ними сразу, к идеалу русской женщины не приблизишься, поверьте мне как телевизионному администратору.

И тем не менее я трахнул идеальную русскую женщину. Это случилось в городе Горьком, в гостинице «Москва». Мы – я и 50-летний телережиссер – стояли в вестибюле гостиницы у дверей парикмахерской. Был ленивый летний день, мы только что прилетели в Горький на выбор натуры, и оператор с художником уехали осматривать окрестности города, а мы с режиссером без дела болтались в гостинице. Он легко и уверенно кадрил 28-летнюю грудастую парикмахершу из гостиничной парикмахерской, их вечернее свидание было уже решено, и вот-вот должен был возникнуть вопрос: нет ли у нее подруги для меня?

И вдруг в глубине гостиничного коридора возникло и двинулось к выходу из отеля то, что заставило нас обоих просто окаменеть на месте. 17-летнее существо с глубокими голубыми глазами, в мини-юбочке, натуральная блондинка с тонкой талией и гитарным овалом бедер, на высоких ногах, с открытой незагорелой шеей – свежая, как Наташа Ростова, юная, как Лолита, и с грудью, как у молодой Софи Лорен, – даже мы, киноволки, обалдели от этого чуда и не знали, на что раньше смотреть – на грудь, на ноги, на бедра... Где?! В душной пыли провинциального Горького, в старой, дореволюционных времен купеческой гостинице, где в номерах с плюшевой мебелью теперь останавливаются партийные чиновники и прочая советская бонза, – и вдруг вот это юное, васильковое существо с телом, рвущимся сквозь короткое обтягивающее платье!

Я смотрел на нее заворуженно, как ребенком смотрел диснеевскую «Белоснежку». Я смотрел, как она шла по коридору к выходу, – она несла свою юность, свою проснувшуюся или просыпающуюся женственность, как высокий бокал, переполненный томно-игристым и обжигающе-медовым напитком.

– Вот это да! – сказал я режиссеру, когда за ней захлопнулась дверь.

– Идиот! Что же ты стоишь? – сказал он. – Марш за ней! Ты должен трахнуть ее сегодня же! Эх, мне бы твои годы! Еще администратор называется!..

Ему не пришлось меня долго уговаривать. Я выскочил на улицу и увидел, что она еще недалеко ушла.

О том, как в России кадрят девочек на улице, можно написать целую главу, но я думаю, что она не прибавит ничего нового к известной американской книге «Как снять девушку». Женщины везде женщины, и самый верный и универсальный способ знакомства – это юмор, умение заставить незнакомую женщину улыбнуться. Недавно в каком-то журнале я прочел интервью с парнем, который каждый день кадрирует новую девочку в «Блумингдейле» и «Саксе» на Пятой авеню. Он перетрахал уже несколько сотен американок, шведок, немок, японок, испанок и т. д., и все они, по его словам, открывались одним ключом – шуткой при знакомстве. В его перечне не было только русских. Но я тут же вспомнил своего приятеля, победителя многих телевизионных конкурсов юмора в знаменитой в СССР в 70-е годы, а затем прикрытой властями телепрограмме «Клуб веселых и находчивых». Этот мой приятель ежедневно отправлялся в ГУМ – советский эквивалент «Сакса» или «Блумингдейла» на Красной площади – и каждый день кадрил там очередную провинциальную красотку, приехавшую в Москву в поисках импортного нижнего белья или импортной косметики. Он, как и его американский коллега, тоже перетрахал сотни русских, украинок, латышек, киргизок, армянок и прочих представительниц восьмидесятинационального Союза Советских Республик, и все они, по его словам, сдавались ему после второй или третьей шутки.

Ну а представителям волшебного слова «кино» даже и шутить не надо при знакомстве с девушкой. Причастность к телевидению и кинематографу дает вам такую отвагу (или наглость), что вы легко вступаете в разговор с любой, зная наверняка, что при слове «кино» она уже никогда не пошлет вас к чертовой матери. Соперничать с кинематографическими и телеловеласами в России могут только иностранцы, любая русская женщина «тает» от французского или английского акцента...

Итак, я выскочил из гостиницы, догнал удаляющуюся на высоких стройных ногах Бело-снежку и уже через пять минут узнал, что Люба Платочкина (даже фамилия у нее была замечательная, от слова «платочек») – настоящая сибирячка, из далекого алтайского городка Рубцовска, и приехала в город Горький поступать в педагогическое училище. Тут вы должны оценить размеры этой скромности – при ее лице принцессы из старых русских сказок, при ее фигуре из лучших западных фильмов она решила стать школьной учительницей и выбрала себе даже не столичный педагогический институт в Москве или на худой случай в Ленинграде, а провинциальное Горьковское педагогическое училище!

– Я хочу учить детей русскому языку и литературе, – сказала она. – А вы действительно работаете на телевидении? Правда?

Я заверил ее, что правда.

– А вот я пишу песни. Стихи и песни, – вдруг сказала она. – Можно, я их вам спою и почитаю? Только вы мне честно скажете – это совсем бездарно или не совсем? Хорошо?

Нужно ли говорить, что я согласился?

В тот же вечер она пришла ко мне в номер, чтобы спеть мне свои песни. И даже принесла с собой гитару.

Конечно, я был уверен, что песни и стихи у этой девочки будут безграмотные и бездарные, что в таком теле не может быть никакого таланта, кроме свежего женского обаяния, но я уже заранее был готов терпеть оскомину плохих стихов и ее гитару, и, наверно, я бы вытерпел любой, самый занудный инструмент вплоть до зубоврачебной машины, лишь бы потом, после этой профессиональной «консультации», перейти к главному «лакомству».

Каково же было мое удивление, когда она приятно низким, полным контральто запела удивительно чистые, почти профессионально написанные лирические баллады в духе Бернса или Уитмена! Там были даже запахи, в этих стихах, – запахи сибирских цветов, алтайских горных трав, там были шум реки и глубина неба. Право, она хорошо сочиняла и хорошо пела.

Конечно, мы пили при этом хорошее вино, ели мороженое и фрукты – уж я-то подготовился к этому вечеру! К тому же у меня был прекрасный двухкомнатный номер люкс в старинном русском купеческом стиле – с роялем, с картинами на стенах, с просторной мягкой мебелью. Но чем больше мы говорили с Любой о ее стихах и песнях, тем, казалось мне, я все дальше удалялся от своей первоначальной задачи соблазнить ее. Словно я ушел из той зоны, где мужчина и женщина чувствуют друг в друге самца и самку, и перешел в какую-то другую область – бесполоую.

Между тем время шло – десять часов, одиннадцать, двенадцать... Трижды звонил мне в номер мой режиссер, он уже трахнул парикмахершу, отпустил ее домой к мужу и теперь изнывал от безделья и интересовался моими успехами: сколько палок я уже кинул? Кажется, эти вопросы заставляли меня даже краснеть, и я зло обрывал режиссера – бросал трубку и возвращался... к стихам!

Да, весь мой опыт ловеласа, бабника, трахальщика вдруг куда-то исчез, и я мялся на месте, буксовал в поэзии, боясь шагнуть за зону литературы. Правда, вся эта беседа уже шла без света – мы ведь встретились засветло, да так и не включили свет, хотя давно стемнело. И в этом было, конечно, тайное лукавство нашей литературной игры. Свет уличного фонаря освещал через окно мой номер. Люба сидела лицом к окну, и я видел в полумраке ее темно-васильковые глаза, белые влажные зубы и сумасшедший вырез ее легкого платяца, в котором двумя матово-белыми алтайскими холмами дышала ее грудь. А когда она брала гитару и закидывала ногу на ногу, ее мягкие, с ямочками, колени отсвечивали в полумраке дразнящей белизной, тут мое сердце обмирало от желания.

По счастью, я сидел спиной к свету, и она не видела моего пылающего лица. «Черт ее знает – девственница она или женщина?» – гадал я. В России вы никогда не можете быть уверены в намерениях женщины, даже если она по своей воле пришла вечером к вам в гостинич-

ный номер или в вашу квартиру. Взрослая на вид женщина может оказаться девственницей или ханжой – изнывая от желания, умирая от похоти, она ни за что не снимет трусики. И наоборот – четырнадцатилетняя соседка может зайти к вам якобы за солью или за книжкой, и, пока вы отвернетесь, она уже будет сидеть на вашей кровати, глядя на вас вопросительно взрослыми глазами...

После двенадцати, когда уже кончилась вторая бутылка вина, песни, стихи и, как пустой ручей, иссякла вся мировая литература, стало ясно, что дальше тянуть нельзя. Я встал, подошел к дивану, на котором она устало сидела с гитарой в руке, и наклонился к ней.

Боже мой! Кажется, никогда в жизни я не погружался в такие мягко-нежные, упруго-теплые, вишнево-сладкие губы! Я задохнулся сразу, на первом поцелуе. Если можно так сказать, я просто тут же морально кончил. Ей было неполных 18 лет, а мне тридцать шесть, но в эти секунды я стал ребенком и был им всю эту волшебную-пряную ночь. Не я обнимал ее, а она меня, не я посадил ее на колени, а она – да, да! – она усадила меня к себе на колени и стала целовать... Боже мой, я и сейчас, через четыре года, помню запах свежего молока, сена, клевера, вкус голубики – от ее тела, кожи, губ, зубов. Я становился все меньше и меньше, все младше и младше на этих мягко-упругих коленях, на этой еще прикрытой платьем груди. И только мой Младший Брат рвался сквозь брюки совершенно по-взрослому.

Мягким движением она показала мне, что хочет встать. Я нехотя оторвался от ее губ,сел рядом с ней, а она встала и вдруг одним простым и естественным движением, будто взмахом крыльев, сняла с себя платье. Да, просто вспорхнули руки снизу вверх и сняли платье, и теперь она стояла передо мной в двух узких полосках – трусики и лифчик, но и они исчезли после пары легких взмахов рук – исчезли так естественно и с такой простотой, как дети раздеваются в детском саду.

Господи, на этой странице в третий, наверное, раз призываю Тебя в свидетели! Это было как волшебное видение в свете желтого уличного фонаря – ее высокие стройные ноги, курчаво-темный лобок, белый живот, лира ее бедер, высокая талия и полуторакилограммовая грудь, на которую она уронила тяжелые, прежде взятые в узел волосы.

– Я хочу у тебя остаться, – сказала она. – Можно?

Представляете, она еще спрашивала! Но похоже, ответ она уже и сама прочла на моем лице, ведь теперь я сидел лицом к уличному фонарю, к свету. А она вдруг опустилась передо мной на колени, легким жестом коснулась моих бедер и приказала встать, беглым движением пальцев распахнула мою ширинку и, преодолевая сопротивление стоящего дыбом Младшего Брата, мягко спустила мои штаны вместе с трусами. При этом мой вздыбленный Младший Брат качнулся и упрямо уставился ей в лицо, как откатное орудие, как артиллерийская пушка уж не знаю какого калибра. (Когда вот так, в упор, хочешь бабу, кажется, что твой Младший Брат самого невероятного калибра, гаубица да и только, а после, когда дело сделано, видишь вдруг, что у тебя просто зажигалка или в лучшем случае дамский пистолет...)

– Дорогой мой, не томись! Милый... – Она, Люба, гладила меня по моим ногам и бедрам. Не я ее, обратите внимание, не я гладил ее по ее сказочным бедрам, а она меня! Гладила, успокаивая нервную дурацкую дрожь и приближаясь своими вишнево-жаркими губами к персикообразной головке моего Младшего Брата.

О, это касание влажных губ, это медленное прикосновение и отнятие рта, этот легкий пробег упругого, жаркого, дразняще-влажного языка по всему стволу вашего Младшего Брата, как будто пианист в одно касание пробежал по клавиатуре нежными пальцами, как будто великий скрипач быстро и легко провел смычком по всему грифу, и струны вздрогнули предчувствием большого концерта!

Люба Платочкина, алтайский подснежник, сибирская Белоснежка, провинциальное чудо – до чего же нежно, заботливо, я бы даже сказал – преданно исполняла она увертюру. Она не сосала, нет! Это вульгарное слово абсолютно не подходит! Потому что масса женщин дей-

ствительно просто сосет, зная понаслышке, ориентируясь по этому самому слову, что надо делать. Нет, Любаша, Любочка Платочкина не сосала! Она обволакивала моего Брата влажной мягкостью языка, щек, носа и горла. Даже заглатывая его, даже убирая его в себя целиком до яичек, она была нежно, мягко, обволакивающе заботлива, а потом, перехватив воздух и сглотив слюну, она встряхивала головой, отбрасывая волосы за спину, и снова мягко, любовно и нежно обсасывала Брата своим язычком, постепенно погружая его в себя все глубже, глубже...

Когда сейчас, из-за этого письменного стола, я смотрю в ту ночь и вижу самого себя, стоящего без штанов в полосе света от уличного фонаря, с закрытыми глазами, обхватившего руками шелково-струящиеся волосы и голову Любы Платочкиной, прижимающего ее голову к своему Младшему Брату, когда я вижу сейчас эту почти скульптурную картину, я просто завидую самому себе – себе тогдашнему. Люба быстро и легко освободила меня от первого напора дурной спермы, и сделала это чисто, спокойно, почти, я бы сказал, по-матерински или как медсестра. Когда фонтан спермы рванулся из моего нутра в ее горло, она не взбрыкнулась, не отшатнулась, а стойко приняла в себя весь, наверно, двухсотграммовый заряд. Тут – вовсе не ради хвастовства, а только чтобы подчеркнуть самоотверженность Любы Платочкиной – я должен сказать, что мой Младший Брат отличается чрезмерно высокой производительностью спермы. Конечно, у меня нет возможности сравнивать, но большинство моих женщин прямо говорят мне, что такого количества спермы, какое при каждой эрекции извергает мой Младший Брат, им еще видеть не приходилось. И потому даже профессиональные минетчицы часто пасуют, когда им приходится глотать эти фонтаны. Но Люба выдержала! Она проглотила все и еще не сразу отняла свой рот, а медленно, почти незаметно, даже чуть-чуть подсасывая и облизывая языком моего опустошившегося Братишку, исторгла его из своего рта... Я нагнулся и поцеловал ее в глаза и в солено-влажные губы...

Теперь позвольте на время прервать эти воспоминания. Я сказал, что трахнул в ту ночь идеал русской женщины. И я уверен в этом до сих пор. Не только потому, что сибирячка Люба Платочкина была красива, как царевна из русских сказок, не только потому, что ее тело пахло голубикой русских лесов, и не потому, что в ее песнях журчали алтайские реки, – нет! А потому, что, имея все это, имея все, чтобы быть суперзвездой, она была застенчиво-скромна, удивительно заботлива ко мне, пожилому тертому мерзавцу, она была со мной – я не боюсь этого слова – как мать. Не за деньги, не за протекцию на московское телевидение, ни за что – просто я ей понравился самую малость хотя бы тем, что не лез к ней сразу за пазуху, не хватал за грудь, а слушал ее стихи и песни... И вот я хочу вас спросить: да знаете ли вы, что это такое – «настоящая русская женщина»? Кто это? Анна Каренина? Наташа Ростова? Соня Мармеладова? Жена великого русского поэта Пушкина Наталья Гончарова? Героиня русских сказок Аленушка – золотоволосая кукла с румяными щеками и длинной, до пояса, косой? Крепкогрудая Аксинья, донская казачка из «Тихого Дона» Шолохова? Или, как сказано у другого русского поэта, женщина, которая «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет»? Можно ли вообще создать собирательный тип «настоящей русской женщины», как собирают сейчас криминалисты словесный портрет-фоторобот?

И если создать такой портрет – историко-социально-сексуальный, – можно ли вычислить, вообразить, как эта «настоящая русская женщина», квинтэссенция русской красоты, будет вести себя в постели? Ведь это загадка и белое пятно всей русской литературы – как ведут себя в постели русские женщины? Почти двести страниц Толстой готовит нас к моменту, когда Каренина наконец-то отдастся Вронскому, но как Толстой описал этот знаменательный момент? Вся постельная сцена опущена, то, ради чего был предан муж, сын, семья, положение в обществе, то, о чем мечтала Анна всю первую часть романа – трахнуться с Вронским, или, как пишет сам Толстой, «то, что почти целый год для Вронского составляло исключительно одно желанье его жизни, заменившее ему все прежние желания; то, что для Анны было невоз-

можною, ужасною и тем более обворожительною мечтою счастья, – это желание было удовлетворено». Вот и все! «Было удовлетворено». А как удовлетворено? Каким способом? Что чувствовал Вронский, когда раздевал Анну? Когда взял рукой ее грудь? Что ощущала Анна, лежа под ним? Опытный, знавший толк в сексе граф Толстой, сам перетрахавший сотню, если не больше, своих крепостных девок, скрыл от нас все, кроме одной малозначительной подробности, – это произошло на диване, «...она вся сгибалась и падала с дивана, на котором сидела, на пол, к его ногам; она упала бы на ковер, если б он не держал ее. „Боже мой! Прости меня!“ – всхлипывая, говорила она, прижимая к своей груди его руки... Было что-то ужасное и отвратительное в воспоминаниях о том, за что было заплачено этою страшною ценою стыда». И непонятно читателю – был Вронский хорошим или плохим мужчиной, и что в конце концов такого сладостного между ними произошло, что Анна, несмотря на эти «ужасные и отвратительные воспоминания», все же волочится за Вронским еще три тома...

Ни у Толстого, ни у Достоевского, ни у других известных миру крупных русских писателей нет эротических сцен и нет даже намек на то, что смыслит в сексе русская женщина. Мы знаем, что Мопассан внедрил в мировое общественное мнение сознание многократного превосходства французской женщины-любовницы над всеми другими, и практически вся мировая литература ничем не ответила на этот вызов. Немцы признали расчетливость своих фрау, англичане – холодность англичанок, и только «Кармен» Мериме удержала на пьедестале эротические достоинства испанок, а Бодлер вступился за евреек: «...с еврейкой бешеной, простертой на постели!..»

А искать эротические или сексуальные сцены в произведениях современных русских писателей – напрасный труд. Впрочем, как написал бы какой-нибудь ученый буквоед, «в мою задачу не входит защищать эротическую честь русской женщины». Но когда я задумал эту книгу и стал оглядываться по сторонам в поисках, на что бы опереться в русской литературе, живописи и науке для подтверждения и опровержения каких-то идей, я вдруг обнаружил, что вокруг – сплошная пустота. Эротические стихи русских классиков – под запретом. А неклассики, представители так называемой желтой бульварной дореволюционной русской литературы, давно уничтожены советской властью вместе с их книгами. Может быть, где-то в подвалах Ленинской библиотеки и хранятся дореволюционные эротические книги, но доступа туда нет даже сотрудникам научно-исследовательских институтов.

Психологические и социально-медицинские исследования в области эротики современной русской женщины тоже, насколько я знаю, не проводятся, во всяком случае в печати об этом нет ни слова. И только изредка какой-нибудь очень уж бойкий врач-психиатр пытается открыть консультационный пункт по лечению расстройств женской психики или половых расстройств.

Короче говоря, никакой социально-бытовой статистики, никаких научных или медицинских данных об эротике в советской печати нет.

Поэтому я отправляюсь в это исследование, в эту книгу, как рыба-одиночка в открытый океан. Только мой личный опыт служит мне компасом, моя постель служит мне лодкой, а простыни этой постели – сменные паруса в этом путешествии. Оглядываясь назад, на свою сознательную половую жизнь, я вижу, что эту лодку часто бросало в жестокие штормы, что паруса нередко были порваны в клочья или залиты кровью во время сексуальных баталий и вся моя холостяцкая жизнь висела на волоске, и больше того, я хорошо, отчетливо помню, как десятки, если не сотни раз я кричал, стонал и шептал в минуты наслаждения: «О Господи, я умираю!» – и это лучшее подтверждение высокого эротического престижа русской женщины. Никакие еврейки, казашки, бурятки, осетинки, украинки или заезжие француженки и американки не доставляли мне такого наслаждения, как наши местные провинциальные, даже не московские, а именно провинциальные русские женщины.

Но не будем забежать вперед. Читатель ждет конкретных доказательств. Сейчас, товарищи, сейчас. Вернемся в город Горький, в гостиницу «Москва».

...Я тоже разделся. Догола. Вообще-то сразу после акта хочется обычно натянуть трусы, поскольку вид безвольно опавшего Младшего Брата как-то не поддерживает ваше мужское достоинство. Поэтому я предпочитаю после акта надеть трусы. А кроме того, срабатывает еще один инстинкт – защиты. Усталый, перетрудившийся член сам стремится спрятаться в какую-нибудь скорлупу, как улитка, спрятаться так, чтобы никто и ничто не касались его. Я помню, такое же чувство было у меня после операции аппендицита, когда хотелось постоянно прикрывать ладонью еще незаживший шов – чтобы никто не дотронулся, не дай Бог! Так при ранах и ушибах вы бережете пораненное место. Мой Младший Брат имеет ту же потребность – сразу после акта минут на десять-пятнадцать он хочет спрятаться, укрыться, избежать чьих-либо прикосновений. Помнится, в Ленинграде у меня была потрясающая любовница – полноватая, зажигательная и удивительно заботливая тридцатилетняя брюнетка, которая ублажала меня в постели так замечательно и отдавалась так темпераментно, что у меня и сейчас, при одном воспоминании, кровь бросается в голову. Боже, что она делала! Что она вытворяла своей роскошной, мягко-упругой задницей! Эта задница была изумительным инструментом возбуждения! Стоило ей повернуться ко мне спиной и чуть вильнуть, как мой Младший Брат вскакивал, будто у пятнадцатилетнего мальчишки. А принимая его в себя, ее Младшая Сестренка умела какими-то специально тренированными мускулами обжимать моего Братишку, словно трепещущим пульсирующим колечком, и втягивать, всасывать в себя! Да, мускулатурой ее Сестренка действовала, будто ртом, – такое удовольствие я нашел во всей России раз пять, не больше, и тем не менее мне пришлось расстаться с этой женщиной. Потому что при всех ее восхитительных качествах у нее была одна нелепая привычка: она любила держаться за член. Сразу после акта она забирала моего Младшего Брата в руку и держала его в ладони, как заложника. Не ласкала, не возбуждала, просто держала. И только так она могла заснуть. Что я ни делал, чтобы освободить его из этого плена! Отворачивался, поджимал под себя колени, прятал своего Братишку, заслонял его своими ладонями, просто скандалил – все было бесполезно, стоило мне уснуть, как через несколько минут я просыпался от того, что она держится за Брата. Я терпел. Думаю: ладно, такая замечательная баба, так прекрасно отдается, делает все, что только я прикажу, и после этого еще и сама же купает меня в ванной, отмывает моего Братишку, – уж ради такого обслуживания потерплю пару минут, пусть уснет с моим членом в руке, а я его потом как-нибудь высвобожу из плена. Но дудки! Не тут-то было! Даже во сне она не отдавала мне моего Младшего Брата.

Случайно выпустив его, она тут же сонными руками шарил по моей спине, животу, коленям, и, как я ни уворачивался, как ни отодвигался, она находила его, забирала к себе в ладони и только тогда засыпала снова, счастливо чмокая во сне пухлыми губами. Что мне было делать? Я не могу спать, когда кто-то держит меня за член! А вы можете?

Короче говоря, я привык после акта надевать трусы, такая уж у меня слабость, извините. Но тут, в городе Горьком, в ту благословенную ночь я просто позабыл о всех своих привычках. Сразу после «увертюры» я разделся догола, и мы с ней были как Адам и Ева среди купеческо-мягкой мебели провинциальной русской гостиницы, в номере, украшенном огромной пальмой в деревянной кадке. И что же, вы думаете, мы делали? Вообразите себе – она мне играла на рояле! Она играла мне на рояле и пела свои баллады, но, конечно, это продолжалось недолго. Потому что, пока я стоял у нее за спиной, мой опавший Младший Брат касался ее лопаток, гладил ее по позвоночнику и зарывался в ее мягкие, пушистые, льняные волосы. Нужно ли говорить, что уже через несколько минут мы снова были в постели?

И вот здесь я должен сказать, что эта 17-летняя Любаша Платочкина оказалась и Анной Карениной, и Наташей Ростовою, и Сонечкой Мармеладовой, и Настасьей Филипповной, и царевной из старых русских сказок. Она была по-царски щедра на ласки, она была застен-

чива, как Сонечка Мармеладова, трепетна, как Наташа Ростова, отчаянно-доверчива, как Анна Каренина, и неистова, как Настасья Филипповна. Но все это вам ничего не скажет, если вы не поймете, что во всякой позе нашего соития, при любом, самом несусветном положении, когда в неистовом приступе желаний мы уподоблялись всем земным тварям Господним – от четвероногих до земноводных, когда я тискал ее, раздвигал, вертел ее волчком на моем Брате, а потом погружал его для отдыха ей за щеку – во всех этих замечательных безумствах я испытывал еще одно, уже не сексуальное, а духовное чувство – у меня было ощущение, что она меня нянчит, что она позволяет мне баловаться, безумствовать, терзать и мять ее тело, как позволяет добрая нянька грудному ребенку щипать себя, кусать молочными зубами и даже бить младенческим кулачком. Порой ей было больно уже вправду, но она терпит, и даже смеется, и даже гладит своего маленького тирана...

Вот что такое русская женщина в своем идеале. Мне сорок лет, за последние двадцать из них перетрахал я сотни баб, попадались мне и залетные туристки из Парижа и Нью-Йорка, и я могу сказать, что русская женщина в постели – это не только женщина, но и еще что-то. И очень часто – во всей остальной жизни тоже. Не только любовница, но и нянька. Может быть, именно поэтому холостые иностранцы почти никогда не уезжают домой без русских жен.

Глава 2

Авторы о себе и о том, как и почему они написали эту книгу

Андрей:

Теперь позвольте представиться подробней. Мне сорок лет, рост метр семьдесят, блондин, глаза серые. Последние десять лет работаю администратором московского телевидения и потому объездил всю страну от Прибалтики до Камчатки. За это время перетрахал сотни баб, хотя отнюдь не считаю себя сексуальным маньяком. Просто когда работаешь на телевидении, нетрудно иметь свежую девочку хоть каждый день. Причем не шлюх и не проституток, а дармовых девочек, девушек и женщин, которые от скуки провинциальной жизни и от серости сексуального бытия сами тянутся в постель к приехавшим из столицы мужчинам. Поэтому я считаю, что у меня есть определенный сексуальный опыт – географический, социальный и возрастной. Когда мне пришла в голову идея написать книгу о том, как мы занимаемся любовью, я стал исподволь расспрашивать своих друзей об их сексе. Знаете, мужчину не нужно долго вызывать на такие откровенности. Любой мужик в мужской компании любит прихвастнуть какой-нибудь командировочной историей, когда он за одну ночь трахнул троих, или о том, как он на курорте дернул дочку министра. Я стал записывать и систематизировать эти рассказы, но скоро понял, что они мало что прибавляют к моему собственному опыту. Во всяком случае, мой опыт, мое личное ощущение женщины, постели, процесса предварительной игры и нирваны погружения моей упругой плоти в жаркую, сочную и мягко сопротивляющуюся плоть женского тела – эти впечатления кажутся мне острее и ярче, чем чужие. И кроме того, тут вы имеете информацию из первых рук. Поэтому я решил, что в этой книге я не буду пользоваться чужим материалом, не буду пересказывать чьи-то посторонние истории, а только, ориентируясь на рассказы своих друзей, выберу из своего опыта самое типичное. Так началась эта книга. Я писал ее несколько месяцев и все это время напряженно, уже как исследователь, присматривался к женщинам, которые оказывались в моей постели. Нужно сказать, что это очень интересное, просто захватывающее занятие – даже в самый острый момент совокупления отделить от себя второго человека, наблюдателя, который как бы со стороны следит за тобой и твоей партнершей, регистрирует каждое ваше движение, жест, слово, вздох, крик, напряжение мускула, вспыхнувший в темноте зрачок, ритм дыхания, запах течки, белый блеск зубов, произвольные реплики, энергию удара лобка о лобок и пронзительную силу внедрения во все доступные, малодоступные и даже недоступные отверстия женского тела. О, теперь я понял, какое изысканно-изощренное удовольствие получают от жизни писатели! Мало того, что они живут, они еще наблюдают эту жизнь!..

И все-таки я чувствовал, что чего-то не хватает в моей книге. При всем моем стремлении быть объективным, расширить свой рассказ, чтобы книга была не просто пересказом моих походов, но и носила характер социально-сексуального исследования, я чувствовал какую-то необъективную однобокость моего труда. И тогда я понял, что мне не хватает женщины. Женщины-соавтора, которая могла бы так же откровенно, как я, и так же свободно рассказать о своем сексуальном опыте. Я стал присматриваться к знакомым бабам. Конечно, соблазнительней всего и проще было пригласить в соавторы какую-нибудь актрису – уж среди них-то есть бляди с таким опытом, что самой завязтой проститутке из гостиницы «Метрополь» не снилось! Но я отбросил эту идею. Во-первых, актриса никогда не расскажет вам правду, и даже если ее напоить до потери пульса, она все равно будет врать и наигрывать, даже не нарочно, а так, по своей природе. А во-вторых, сексуальный опыт актрисы все-таки нетипичен для всех остальных женщин. Они спят с режиссерами, актерами, журналистами, адвокатами, врачами

и очень редко – просто с заурядным русским мужиком, с нормальным русским мужчиной. А я очень хотел найти такую женщину, которая рассказала бы, что это такое – русский мужик в постели. Ведь есть два литературно-исторических понятия – «русская женщина» и «русский мужик». Что такое русская женщина в постели – это я расскажу вам сам, а вот каков русский мужик в постели, я рассказать не могу, конечно. Я долго искал, кто же это сделает за меня.

Мне нужна была современная женщина примерно моих лет с богатым женским опытом и достаточно откровенная и наблюдательная. И я нашел такую женщину – красивую, преуспевающую женщину-юриста, юридического консультанта крупного московского завода. По роду своей работы она тоже объездила в командировках всю страну, была в самых разных социальных кругах.

Честно скажу, я с большой опаской рассказал ей о своей идее. Я боялся, что она оскорбится моим предложением и после первых же слов пошлет меня к чертовой матери. Ведь я ни много ни мало предложил почти незнакомой женщине рассказать о всех ее связях с мужчинами, начиная чуть ли не с детского возраста. Рассказать, с кем, как и когда она спала, кого соблазнила и кто соблазнил ее. Рассказать в подробностях, что она, русская женщина, ощущает в момент совокупления с русским мужчиной, с евреем, азербайджанцем, киргизом и другими мужчинами страны. Представляете, я приду к вашей жене с таким предложением?

К моему изумлению, она согласилась сразу. Она ухватила идею с первых слов и согласилась мгновенно, мне даже не пришлось ее уговаривать. Почему это произошло?

Ольга:

Потому что мужчины – дураки. Они считают, что женщины стыдливы, скрытны и наивно-лиживы по своей женской сути. Наверно, мужчинам хочется, чтобы мы были такими, но это далеко не так. Когда вы переспите с хорошим мужчиной, который удовлетворил вас не раз, не два и не три, а хотя бы пять-шесть раз за ночь, каждая жилка, каждая нервная клетка вашего тела, каждая пора вашей кожи становится прозрачно-очищенной и невесомо-прозрачной, и как бы вы ни устали от бессонной ночи – ваши глаза сияют независимым блеском, и хочется на весь мир крикнуть, как замечательно, как восхитительно провели вы эту ночь!

Но почему-то мужчины думают, что только они способны к откровенности. Глупости! Я с радостью приняла идею Андрея, я уже давно ощущала, что мой сексуальный опыт не используется полностью, хотя уже лет десять назад я почти целиком перешла на молоденьких мальчиков и стала обучать их искусству быть настоящими мужчинами. В жизни каждой нормальной женщины наступает такая пора, это закон природы, и если бы взрослые женщины не учили подростков настоящему сексу, а взрослые мужчины не развращали юных девочек, я уверена, что человечество вымерло бы от скуки сразу после своего рождения.

Итак, я приняла предложение Андрея, и мы сели писать эту книгу вместе. То есть каждый писал свои главы врозь, а потом мы читали их друг другу, обсуждали, какие стороны еще не освещены, что дополнить и что объяснить. Конечно, поначалу было трудно входить в некоторые интимные подробности. Все-таки не так-то просто рассказать незнакомому мужчине о том, например, как уже в четырнадцать лет мне до ужаса захотелось взять в рот настоящий, взрослый, большой мужской член. Я знала, что мальчики в нашем классе уже с десяти лет занимались онанизмом, на переменках они терлись о наши девчоночьи задницы своими напряженными лобками, но я презирала их за это, уже в шестом классе я дала кому-то за это по морде, и от меня отстали мои одноклассники. А для мальчишек из десятых классов я была слишком мала – они уже мечтали о настоящих взрослых женщинах. Конечно, любой из них с удовольствием сунул бы свой член мне в рот и куда угодно, но я искала не это. Я бредила взрослым, большим залупленным членом, который увидела на одной картинке из итальянского журнала у своей школьной подружки. До этого момента я была нормальной, стеснительной и полуразвитой в сексуальном отношении девчонкой, я бы даже сказала, что моя сексуальность

спала. То есть я уже разбиралась понаслышке, что к чему, и гладила по ночам свои груди и клитор, но все это было почти неосознанно, лениво, сонно, как будто в полудреме пробуждающейся во мне женщины. Но когда я увидела на фото огромный стоячий мужской член и рядом с ним – девочку моих лет, которая лукавым язычком касается напряженно-синих жилок этого члена, – помню, я чуть не потеряла сознание. Словно ослепительная вспышка чувственности пробудила во мне женщину. Не девушку, а сразу – женщину. Четыре дня я как полоумная бродила по московским улицам, упорным взглядом рассматривая мужские ширинки. О том, как и где я выследила наконец свой первый мужской член и как получила его, я расскажу в одной из глав этой книги, а сейчас я просто хочу повторить, что не так-то просто было сразу рассказать об этом Андрею. Конечно, если бы он был женщиной – другое дело, а так...

Короче, у нас было два пути к предельной откровенности. Или сразу переспать друг с другом, или напиться вдвоем до чертиков. Мы решали эту задачу в трезвом состоянии и, я думаю, выбрали правильный путь.

Мы напились. По-русски. И сказали друг другу, что мы просто брат и сестра, и дали себе зарок не прикасаться друг к другу до конца книги. Так мы перешагнули порог стеснительности и вошли в зону откровенности, и я уверена, что это было правильно. Если бы мы пошли другим путем, мы бы не написали такую откровенную книгу. Очень скоро мы вошли в полосу такой доверительности, которой я не знала ни с одной подругой и ни с одним мужчиной. Нужно ли говорить, что в конце работы над книгой, после того, как мы уже рассказали друг другу все или почти все о том, как и с кем каждый из нас переспал, мы так распалили себя, что уже умирали от желания обладать друг другом. Я помню, где-то после шестой главы мы уже не могли совладать с искушением и попробовали напиться, чтобы избежать соития, но и это не помогло, и только чудо – у Андрея от волнения не встал член – спасло нас от нарушения этого обета. Мы усмотрели в этом знак рока, много смеялись над этой ситуацией и уже не возобновляли этих попыток до конца книги... И лишь когда мы добрались до последней главы, то заключительные строки этой книги мы дописывали, раздеваясь. Андрей еще стучал на машинке последние слова, а я уже бежала из ванной в постель.

Глава 3

Верховная Учительница

Я очень поздно стал мужчиной. Другие становятся в 15–16 лет, некоторые и еще раньше, а я даже в армию ушел девственником. Представляете, какая это была пытка – два года солдатской казармы, где с утра до ночи и особенно с ночи до утра только и разговоров о женщинах, – а о чем еще разговаривают в солдатских казармах! Каждый выкладывает сумасшедшие истории, как за ночь по пьянке трахнул четверых, а пятую утром – на опохмелку, и очередь рассказчиков идет по кругу, и вот уже скоро твой черед, и ты лежишь, не зная, как бы отвертеться от рассказа, потому что рассказать нечего и даже врать не из чего. Но вал рассказов о «жареном» все ближе, и, наконец, Алеха Куцепа с нижней койки бьет меня ногой под матрас:

– Эй, Андрей, давай, расскажи, твоя очередь!

Сто сорок солдатских глоток хохочут, а я молчу, прикидываясь спящим, и мычу что-то как бы во сне.

– Эй, Андрей! – тычет он снова ногой под мой соломенный матрас, и даже сквозь солому его пятка чувствительно достает мое ребро, но я все равно молчу и слышу, как кто-то говорит презрительно:

– Да брось ты его, он еще бабы не нюхал. Целка! Давай, кто следующий?

Волна разговоров уходит дальше, я лежу под солдатским суконным одеялом, скрючившись от стыда, жадно прислушиваясь к очередному трепу о том, что «ну тут я ей ка-а-ак засадил!», или «мы ее вчетвером без передышки жарили – ну падла – хоть бы что!», или «нет, сначала я ее в рот отворил, а Серега – сзади, а потом мы махнулись, она Серегу сосет, а я ее через жопу драю», – я лежу под своим солдатским одеялом, устроив голову в лунке соломенной подушки, дразнящая похабелъ секса, истомленной солдатской спермы, напряженного жеребиного желания женской плоти гуляет по ночной казарме, и на семидесяти двухэтажных койках нет, я думаю, ни одного невздыбленного члена, хоть и морят нас врачи бромом, т. е. каждое утро подливают на кухне в котел с овсяной кашей раствор брома, чтобы успокоить горячие солдатские сны, – так вот, я лежу под своим суконным одеялом и, конечно, мечтаю о том, как, выйдя из армии, трахну полмира. Нет, не полмира, а хотя бы одну – вот, например, такую, как вчера в кино показывали, – актрису Элину Быстрицкую. Боже, что я выделял с этой Быстрицкой в своей солдатской постели! Как я драил, харил, шворил ее, звезду советского экрана, – да я ли один! Знала бы она, знали бы эти звезды советского и зарубежного киноэкрана, что ежедневно и круглосуточно – когда они спят со своими мужьями и любовниками, ужинают или обедают в ресторанах, загорают на пляже, снимаются в кино или даже когда они кормят грудью своего ребенка – их беспрестанно имеют сотни тысяч военнослужащих нашей доблестной Советской Армии! Одиннадцатичасовой временной пояс пересекает страну, наша доблестная армия расположена на огромной территории от Камчатки до Берлина, и во всех армейских частях два раза в неделю крутят фильмы – в основном советские, а если западные, то очень старые, а после просмотра кино армия укладывается спать, и на соломенных солдатских матрасах от Камчатки до Праги, от Диксона до Тегерана начинается горячая ночь с очередной, только что увиденной актрисой. Многомиллионная армия двадцатилетних парней дрожит и онанирует, терзая в своих снах Терехову и Софи Лорен, Теличкину и Марлен Дитрих, Неелову и Николь Курсель. И когда их уже трахнула Камчатка и побудка сорвала солдат с липких от бесполезно пролитой спермы простынь, в это время там, на Западе, под Брестом и Прагой, сотни тысяч других двадцатилетних танкистов и артиллеристов уже ложатся в койки, чтобы трахать в своих тревожных снах все ту же Терехову и Софи Лорен, все ту же Быстрицкую или актрису на все времена Грету Гарбо, которой уже давно и в живых-то нет...

Можете представить, что делалось с моим Младшим Братом, когда я наконец демобилизовался из армии, с каким жадным нетерпением я ехал домой, чтобы быстрее трахнуть хоть какую-нибудь бабу!

В поезде первой же ночью я атаковал какую-то совершенно незнакомую 35-летнюю тетку. Не помню подробностей, а только помню пропахший потом ста пассажиров полумрак общего вагона и себя, на узкой верхней полке обнимающего какое-то завернутое в простыни, в комбинацию и рейтузы женское мясо. Удивительно, что когда я среди ночи спустился с третьей полки на вторую, где спала эта тетка, когда я прижался к ее горячей спине – она не шевельнулась. И пока я тискал ее грудь, и вжимал своего темпераментного Младшего Брата в ее бязевую комбинацию и трикотажные рейтузы, и терся об нее всем телом, она молчала, притворяясь спящей. Потом я наконец нашарил рукой резинку ее трусов и начал стаскивать их, но тут она стала сопротивляться. Молча, без единого слова длилась эта напряженная борьба. Рядом, на соседней полке, храпел какой-то старик, внизу и сбоку на других полках спали какие-то тетки, мужики и дети, а мы на узенькой вагонной полке вели глухую, ожесточенную рукопашную борьбу за каждый сантиметр ее никак не слезающих с бедер трусов.

Боже мой, сколько раз потом, в нормальной взрослой жизни, я перетрахал баб в поездах дальнего и ближнего следования! Без борьбы, в отдельном мягком купе «СВ», с хорошим коньяком или вином в перерывах и полной самоотдачей в процессе! Но почему-то первый «дорожный роман», первая встреча с женским телом пришлось в моей юности на вот эту узкую полку общего вагона! Да, я победил в этой борьбе, я стащил с нее рейтузы и трусы. И навалился на нее, и мой пылкий Младший Брат уже нырнул куда-то в свободное пространство меж ее полных ляжек, но... в эту минуту и кончил. Вы и не ждали ничего другого, понятно. Но она ждала! Помню, с каким презрением оттолкнула она меня от себя и как постыдно, чуть не плача, я убрался с ее полки на свою – самую верхнюю, третью, солдатскую полку. На следующее утро она сошла где-то под Харьковом, ушла из вагона, даже не взглянув на меня, и растворилась в необъятных просторах России – первая женщина, на которую я пролил свою сперму!

Теперь я опущу еще несколько таких же юношески-неуклюжих и беспомощных моих попыток проникнуть в женское тело – честно говоря, я и сам уже почти не помню ни тех лиц, ни тел, разве только худосочное, хилое тельце какой-то ростовской полупроститутки, которая привела меня из скверика, где мы с ней целовались, к себе в комнату – в общей квартире, и в этой комнате площадью примерно в четыре квадратных метра стояли одна узкая кровать, какой-то убогий комод и столик и – все. Нет, не все, еще на кровати спал трехлетний ребенок. И вот здесь, на полу, на каких-то наспех набросанных тряпках, при погашенном свете, при чужих инвалидах-соседах, которые, конечно же, не спали за стеной в смежной комнате этой коммунальной квартиры, – вот здесь свершилось то, о чем я мечтал, наверно, с шестого или седьмого класса, что снилось почти еженощно на соломенных солдатских матрасах, – я трахнул бабу, я стал мужчиной.

Господи, до чего убого, бездарно, невкусно и бесцветно это было! Повторяю, не помню подробностей, да их, наверно, и не было – интересных подробностей, просто мы легли на пол, она раздвинула ноги, и я уткнул своего Младшего Брата в ее хлюпающую расщелину в поисках тех сокровенных радостей, о которых столько говорили ребята в армии и столько написано в разных книгах. Конечно, через минуту я кончил, затем с юношеской запальчивостью повторил свой заход, но костлявое тельце моей партнерши не давало никаких наслаждений. И помню, как я возвращался от нее ночью по безлюдным ростовским улицам, отплеываясь, разочарованный в устройстве мироздания. Если вот это и все, думал я, поглядывая на черное южное звездное небо, если ради вот такой хлюпающей дырки пишутся стихи и сражаются на дуэлях, если Петрарка и Берне, Пушкин и Гёте сочиняли свои вирши во имя этой влажно-клейкой, пахнущей несвежей масляной краской щели меж двух раздвинутых ног, – нет, Боже, это не для меня! Я не могу сказать, что свет померк для меня в ту ночь, но просто рухнула еще одна

сказка, которыми взрослые пичкают нас с детства насчет Деда Мороза и других волшебств. Вся эта «небесная радость», «несказанное блаженство» и «высшее наслаждение» оказались просто никчемным погружением в какую-то хлябь, не вызывающую никаких эмоций, кроме безразличия и отвращения.

Теперь, отсюда, с высоты своего возраста и опыта, я с улыбкой смотрю на себя тогдашнего – прыщавого двадцатилетнего юнца, который брел по ночным ростовским улицам, разочарованный устройством мира. Нет, мир устроен блистательно, молодой человек, и если бы сейчас к тебе, сорокалетнему, привели эту же ростовскую фабричную девку, не имеющую понятия о сексе, а только и умеющую что раздвинуть ноги, – о, ты бы теперь дал ей пару уроков, и мир засиял бы снова уже и для нее тоже. Ведь хуже твоей юношеской разочарованности ее взрослая будничная уверенность в том, что секс – это просто раздвинуть ноги и ждать. Большая половина женского населения страны ничего другого и не знает – горькая, бесцветная, тупая жизнь скотного двора. Сколько раз потом, лет эдак через пять-восемь, ты будешь вытаскивать женщин из этой плоской и серой скотской жизни и возвращать их в мир цвета, объема, радости и наслаждений – за одну ночь, за две, ну а в трудных, почти клинических случаях – за месяц. Нет ни одной женщины, которую нельзя обучить наслаждаться сексом – не просто довольствоваться приятностью совокупления, нет, именно наслаждаться сексом, терзать, грызть это наслаждение крепкими молодыми зубами, грызть вдвоем, как терзают, балуясь, тряпку два разыгравшихся щенка.

Но все это – в будущем, все эти наслаждения, половые схватки, постельные баталии и улады – после, через несколько лет, и не просто так, не случайно, а благодаря той единственной учительнице, которая в течение нескольких недель превратила неумелого, бездарного прыщавого и разочарованного в мироздании юнца в подлинного (я смею верить) мужчину.

Итак – учительница! Моя дорогая, моя сексуальная наставница, которой я обязан всем, что я умел и умею. «Всему лучшему в себе я обязан книгам», – сказал наш великий пролетарский писатель Максим Горький. Ну что ж, я могу повторить вслед за ним: всему лучшему, что я умею делать с бабой, я обязан Ире, Ирочке Полесниковой, корректору нашей городской газеты «Южная правда».

Ей было 25, мне – 20. Она была корректор, а я – курьер на полставки, т. е. на 3 дня в неделю. У нее была дочка четырех лет и мама, которая работала в той же редакции заведующей канцелярией. И втроем они жили в крохотной однокомнатной квартире. При этом мама работала в редакции днем, а Ира – с полудня до вечера, поскольку корректорская работа – вечерняя. Таким образом, для секса у нас было только утреннее время – после того, как Ирка отводила дочку в детский сад. Я помню, как каждое утро я вскакивал пораньше, боясь проспать «на работу», наспех проглатывал чай с бутербродом и – убежал. Мама не понимала, почему нужно так лихорадочно убежать на работу, а папа говорил: «Что? Они уже без тебя не могут выпустить свою газету?» Я бурчал что-то в ответ и выскакивал на улицу. Сначала трамваем, а потом пешком я мчался в пригородный район, к Иркиному дому. Весь город съезжался на работу к центру, я же летел на свою «работу» навстречу этому трудовому потоку, и главной опасностью на моем пути было – встретить Ирину маму, столкнуться с ней нос к носу на трамвайной остановке или тогда, когда она будет выходить из дому со своей внучкой. Как заведующая канцелярией, она позволяла себе опаздывать на работу минут на пятнадцать-двадцать, и вот эти пятнадцать минут были самыми томительными и опасными в моей юности. В восемь тридцать я уже кружил по кварталу, где жила Ирка, издали высматривая, не идет ли Марья Игнатьевна, курил одну сигарету за другой и еле сдерживал себя от соблазна позвонить Ирке по телефону. Ирка строго запретила звонить, чтобы не нарвался на маму, которая всегда берет трубку первой, и разрешила мне появляться только после того, как она откроет занавески на окне. И вот, совсем по Стендалю, как молодой идальго под окном возлюбленной, с Младшим Братом, разрывающим от нетерпения пуговицы на ширинке, я прятался в соседних подъездах, высматривая

оттуда окно на втором этаже напротив. Через два дома от Ирки жила заведующая партийным отделом нашей газеты Зоя Васильевна Рубцова, сквалыжная баба, которая вообще ходила на работу когда хотела, и эта дополнительная опасность встретить ее еще больше осложняла мое положение. Но вот – наконец! – Марья Игнатьевна выходит с внучкой из подъезда и на своих толстых пожилых ногах, увитых синими венами, медленно – чудовищно медленно!!! – идет вверх по улице. Я с нетерпением поглядываю на окно – ну, в чем дело? Почему не раздвигаются занавески?! Я смотрю на часы и считаю – ну хорошо, она, Ирка, пошла в туалет, душ принять перед моим приходом или просто пописать, но сколько же можно писать?! Черт побери, уже четыре минуты прошло, уже Марья Игнатьевна свернула за угол и – путь открыт, но почему закрыты эти проклятые сиреневые занавески? Может, она уснула? Наконец я не выдерживаю и бегу к телефону-автомату. Черт бы побрал эти вечно поломанные телефоны-автоматы!

– Ну, в чем дело?! – говорю я наконец в трубку.

И слышу в ответ низкий Иркин голос:

– Людмила Кирилловна, здрасте. Мама уже вышла, она минут через тридцать будет в редакции, одну минуту подождите у телефона...

Я жду. От ее грудного голоса мой Младший Брат вздыхает с новой, решительной мощью, и я с трудом уминаю его куда-нибудь вбок от ширинки, чтобы не прорвался он сквозь трусы и брюки. А она вдруг шепчет в трубку:

– Подожди, соседка пришла за солью...

И – гудки отбоя.

Господи! Сколько еще можно ждать? Время – мое время утекает сквозь жаркий асфальт, уже девять пятнадцать, а я еще не у нее, елки-палки!

Ага! Наконец-то раздвинулись эти скучные занавески! Как регбист с мячом бросается в счастливо открывшуюся щель в обороне противника, так я со своим отяжелевшим, напряженным Младшим Братом стремглав лечу к ее подъезду. Два лестничных марша я просто не замечаю, дверь на втором этаже уже приотворена, чтобы мне не стучать и чтобы соседи не слышали стука, и вот – на ходу срывая с себя штаны и трусы и разбрасывая по комнате туфли – я ныряю в ее теплую постель. А она уже идет – ее длинное бархатно-налитое тело со змеиной талией, упругой задницей и медовой грудью.

– Тише, – говорит она смеясь. – Подожди, успокойся.

Куда там! У нас с Иркой никогда не было лирических вступлений, ухаживаний, влюбленности и прочей муры. Мы были любовниками чистой воды – из двери прямо в постель и – к делу! Мне было 20 лет, и, как вы понимаете, моему истомленному ожиданием Младшему Брату нужно было немедленно, сейчас же утонуть в чем-то остужающем!

И я рвусь оседлать свою любовницу, но Ирка не разрешает.

– Нет, не так, ну подожди, успокойся, лежи на спине, тихо, не двигайся! Не шевелись даже...

И она укладывала меня плашмя на постели, и я лежал в ней, как на хирургическом столе, а Ирка приступала к сексу, как виртуоз-пианист подступает утром к своему любимому роялю. Еще чуть припухшими со сна губами она тихо, почти неслышно касается моих плеч, ключиц, пробегает губами по груди и соскам, ласкает живот, и, когда мне кажется, что я сейчас лопну, что мой Младший Брат выскочит из кожи, что он вырос, как столб, и пробил потолок, – в эту, уже нестерпимую, секунду Ирка вдруг брала его головку в рот. Боже, какое это было облегчение!

– Не двигайся! Не шевелись!!!

Конечно, я пытался поддать снизу задницей, чтобы Братишка продвинулся глубже, но не тут-то было, Ирка знала свое дело.

Это была только прелюдия, а точнее – проба инструмента.

И, убедившись, что инструмент настроен, что каждая струна моего тела натянута как надо и я уже весь целиком – один торчащий к небу пенис, Ирка усаживается на меня верхом и медленно, поразительно медленно, так, что у меня сердце зажимает от возбуждения, насаживает себя на мой пенис. Сначала – прикоснется и отпрянет, прикоснется и отпрянет, и так – каждый раз буквально на микрон глубже, еще на микрон глубже, еще, вот уже на четверть головки, на четверть с микроном, на четверть с двумя микронами...

О, это томительное, изнуряющее, дразнящее блаженство предвкушения! Я не имел права пошевелиться. Стоило мне дернуться, вздыбиться, поддать снизу, чтобы войти в нее поглубже, как она карала за это:

– Нет, подожди! Все сначала! Расслабься, ты не должен тратить силы.

Да, она все делала сама. Но как! Она насаживала себя на моего Младшего Брата до конца, до упора, и дальше такими же медленными, но уже боковыми плавными движениями, как в индийском танце, она словно выдаивала меня вверх, или, точнее, словно губкой вытаскивала меня, потом поворачивалась боком, и одна ее ягодица периодически касалась моего живота, а другая – ног, но только на мгновение, а потом ее задница взлетала вверх, выше головки моего воспаленного Брата, и опять медленно, истомляюще медленно наплывала на него короткими микронами погружения, эдакими крохотными ступеньками. Да, у нее были сильные ноги, только на сильных ногах можно делать такие приседания. Я лежал под ней, вытянувшись струной. Голое загорелое женское тело, тонкое в талии, сильное в бедрах, с закинутой назад головой, с черными волосами, опавшими на спину, с упругой грудью и торчащими от возбуждения сосками, со смеющимся ртом и озорно блестящими глазами – это первое в моей жизни женское тело, Божье творение, венец совершенства, по-индийски раскачивалось над моим Младшим Братом, завораживая его и меня. Где-то через улицу местные чеченцы заводили свою музыку, знойную зурну пустыни, и этот восточный мотив, который в других условиях я ненавижу, тут только помогал нам: я чувствовал, что весь мир – пустыня, что в эти минуты в мире – пустыня все, кроме этой постели, и нет для меня мира, кроме этого теплого Иркиного тела.

Мне было двадцать лет, и это была моя первая Женщина, и эта Женщина знала свое дело, знала, зачем Бог дал ей каждую часть, каждый миллиметр ее инструмента.

Нет, я уже не проклинал мироздание, как вы понимаете. Наоборот – я пожирал его прелесть, как дикарь...

– Ирка, я не могу больше, сейчас кончу!

– Ну подожди, подожди, не двигайся, сделаем паузу.

Она застыла на мне, давая улечься волне напирющей во мне спермы, а потом осторожно, медленно опять погружала меня в свое тело.

То был первый акт, который длился около получаса, а если точнее – то был пролог многократного утреннего спектакля, и в этом спектакле я был только исполнителем, а режиссером, дирижером, автором и примой была Ирка Полесникова, мой Верховный Учитель секса.

Потом мы завтракали в постели. Она не позволяла мне вставать, она так берегла мои пылкие мальчишеские силы, что даже сама после акта обтирала мой член влажным полотенцем и подавала мне завтрак в постель – легкий завтрак: орехи, сметану, зелень.

Она хлопотала вокруг моего царственного ложа практически голая – в расстегнутом и по моде тех лет коротком халатике, который ничего не прикрывал, и к концу завтрака мой Младший Брат проявлял новые признаки жизни. Но Ирка не спешила. Она отбрасывала одеяло, усаживалась у моих ног на кровати и любовалась, как пробуждается мой Младший Брат. Под ее взглядом он просто вскакивал, как солдат на побудке, наливался молодой упругой силой и подрагивал от нетерпения, а она, смеясь, целовала его пушок, щекотала и подлизывала языком, и только когда он уже как бы деревенел от налившейся крови, мы приступали к очередному акту.

Лежа и стоя. Верхом, по-собачьи, и боком, как бы верхом на верблюде. Крестом, на боку, снова на спине, а точнее – на лопатках, когда ее ноги обнимают меня за шею или разведены горизонтально по бокам и ягодицы распахнуты так, что она вся открывается сиренево-розовой штольней. Сидя – мои ноги сброшены с кровати, и она сидит на моих чреслах, наплывая на меня и откатываясь, а потом, обняв ее задницу, я поднимаюсь на ноги и стою, а она елозит по мне, обхватив мою талию ногами, и откидывается, откидывается телом назад, почти падая на спину...

Да, всему лучшему, что я знаю о сексе, я обязан Ирке.

Истомленные сексом, похудевшие, наверное, килограмма на два за утро, мы в полдень ехали на работу в редакцию. Мир возвращался в свое будничное русло, снова звенели трамваи, ругались пассажиры в троллейбусе, шумели очереди у продовольственных магазинов, а мы с Иркой, сидя в глубине троллейбуса, еще ласкали друг друга взглядами, касанием рук, бедер. И, помню, однажды, после семи или восьми утренних актов, когда уже даже Ирка не могла поднять моего Брата ни губами, ни грудью и мы помчались на работу, опаздывая, наверное, на час или больше, в троллейбусе он вдруг встал. Я взял ее руку, молча приложил к своим брюкам в паху, она взглянула мне в глаза, и мы, не говоря друг другу ни слова, на ближайшей же остановке выскочили из троллейбуса и помчались обратно, в ее постель. Да, мы пользовались любой возможностью трахнуть друг друга. Не только по утрам. Вечерами Ирка выискивала подруг, которых можно было усадить куда-нибудь хоть на час-полтора из их квартир, и мы в чужих постелях снова набрасывались друг на друга с утренней силой. Рабочий день в редакции превращался в ожидание вечера и поиски вечернего приюта, ночь – в ожидание следующего утра. Проклятый жилищный кризис, начавшийся в СССР еще до моего рождения и не прекратившийся по сию пору! Из-за него мы каждый вечер искали хоть какую-нибудь временную, на час, на два, конуру для своих утех и объездили весь город и все его пригороды – чьи-то студенческие общежития, чьи-то квартиры, комнаты...

Как я справлялся с работой, не помню, но прекрасно помню, как однажды, когда мы, как я считал, испробовали и проиграли все известные мне приемы и положения и лежали, отдыхая, и мой ненасытный Младший Брат опять проснулся, подался вверх и набух до синевы, Ирка вдруг принесла бутылку с подсолнечным маслом, смазала им головку моего члена и на мой удивленный взгляд сказала:

– Мне будет очень больно, но ты это заслужил.

Я понял, о чем идет речь, я ведь еще в солдатской казарме слышал об этом. Ничего, кроме брезгливости, я не испытывал в тот момент, когда мысленно представил, что мой замечательный, мой единственный, мой холеный и зацелованный ею Младший Брат должен войти в задний проход, исток кала. Но Ирка уже легла навзничь, подобрала под себя коленки, и ее зад, ее загорелые сливopodobные ягодицы замерли в ожидании. Я, чтобы не ошибиться, пальцем нащупал между ними крохотное, меньше пупа, сжатое какими-то мускулами и мускулками отверстие и удивился: как мой, даже смазанный маслом Брат может войти сюда? Но я попробовал. Я лег на Иркину спину, обнял ее из-под низу за плечи и стал проталкивать Братца в эту крохотную, меньше пуговицы, дырочку. Казалось, ничего не выйдет – мой Братец гнулся, он не мог преодолеть эти сжатые мускулы. Но потом злость, молодая телячья злость и самолюбие напрягли его новой, звериной силой, он просто боднул ее со всей силы и – вдруг головка члена прорвалась в пучину высшего наслаждения. Ирка вскрикнула от боли, но меня уже ничто не могло остановить. Такого кайфа, такой истомы, такого наслаждения не может дать никто, кроме девственницы.

Но когда вы ломаете целку, вы имеете дело с целым набором побочных, отвлекающих комплексов, и очень часто это только работа, сексохирургическая операция, которая даст наслаждение лишь назавтра, а точнее, даже напослезавтра, потому что на следующий день у девочек там с непривычки так болит, что трахать их назавтра невозможно, так вот, когда вы

ломаете целку – это все-таки не то. И потом – это проходит, через неделю целка превращается в нормальную женскую щель, и вся новизна, вся прелесть вхождения в плотно сжатую, обнимающую вас каждым мускулом плоть – это проходит, а вот задний проход – это да, дорогие товарищи! Мускулы заднего прохода не ослабевают, даже пятидесятилетнюю бабу можно трахать в задний проход, испытав при этом почти совершенное наслаждение. Да, лучше бы Ирка не показывала мне тогда этот метод. Потому что всех своих последующих баб рано или поздно, с помощью уговоров, угроз и даже насилия я разворачивал задницей к небу и, смазав Братца подсолнечным или сливочным маслом или просто своей собственной слюной, врывался им в задний проход уже без всякой, как вы понимаете, брезгливости, не обращая внимания на их крики, слезы, стенания и просьбы не делать этого.

Наш с Иркой роман закончился месяца через три, в начале зимы, когда она, не сказав мне ни слова, сделала аборт. Позже мой несдержанный спермообильный Младший Брат был причиной не одного аборта, и я уже понял, что это приходит постоянно – какое-то естественное, но, конечно, несправедливое, жестокое, неблагодарное внутреннее отвращение к женщине, которая сделала от тебя аборт; что тут поделать – может, так распорядился Создатель, чтобы после родов (естественных или насильственных) мужчина не прикасался какое-то время к женщине?..

Похоже, Ирка знала это и отнеслась к нашему разрыву спокойно.

Но где бы я ни был позже, с кем бы ни спал, кого бы ни обучал искусству секса, растлевая пятнадцатилетних девочек или сорокалетних и невежественных в сексе дам, я почти всегда говорил им, что всем хорошим, что я знаю о сексе, я обязан моей первой Верховной Учительнице Ирочке Полесниковой – да будет она счастлива с тем, с кем она спит сегодня.

Глава 4

Первые победы, или применение метода

*С невинностью недавней лежа,
Еще не потерявшей стыд,
Не раз на холостом я ложе
Румянец чувствовал ланит —
Рукой медлительной рубаику
Не торопясь я поднимал,
Трепал атласистую ляжку
И шевелюру разбирал,
Колебя тихо покрывало,
Впивал я запах пиздяной,
Елда же между тем вставала,
Кивая важно головой.*

Г. Державин

Едва став мужчиной, я стал по-иному смотреть на женщин. Каждое двуногое существо в юбке с хорошей фигуркой было теперь дичью, пахнувшей половой течкой, и нужно было только выбрать объект, достойный моего жадного полового инстинкта. Оперившийся птенец с еще неокрепшими ястребиными когтями, но с познавшим свою силу Младшим Братом, я взорлил над нашим городом, выискивая свою первую профессиональную добычу.

Конечно, мне хотелось чего-то необычного, экзотического, а точнее – мне хотелось трахнуть артистку. Какую-нибудь красивую артистку, чтобы реализовать двухлетние солдатские сны.

И как-то вечером, покружив по городским улицам, я заглянул в нашу городскую оперетту. Не помню, что там шло – какая-нибудь «Марица» или «Баядерка», помню только, что зал был пуст на три четверти, сцена бездарна и актеры безголосы, и я уже собирался тихо двинуться к выходу, когда по ходу оперетты наступил номер солистки балета. На сцену выпорхнула роскошная полуголая блондинка, не хрупкая, чуть полноватая для балерины, но – молодая, белокожая, с голым животиком. Наверное, она и танцевала-то не Бог весть как, хотя, помнится, зал проводил ее хорошими аплодисментами, да не в этом дело – вы же понимаете, что мои коготки уже распрямились, ноздри молодого охотника раздулись и живот подобрался, как перед прыжком. Моя бы воля, я бы взорлил прямо в этом зале и трахнул бы ее – полуголую, с крепкими кулачками груди, – трахнул бы ее прямо во время ее танца, на сцене.

Но пришлось сдержаться, пришлось дожидаться конца спектакля и дежурить под дверью служебного выхода и за пару рублей «расколоть» старуху билетершу и выяснить у нее, что моя будущая златокудрая жертва – Нина Стрельникова, разведена, не замужем, имеет двухлетнего сына и живет с родителями недалеко от центра: папа – какой-то военный, а мама – домохозяйка.

Боже, сколько у нас в России брошено с детьми, молодых, прелестных, загнанных бытом, растящих детей от любимых и нелюбимых козлов, вроде меня, грешного!

Я не стал приставать к Нине у служебного подъезда оперетты, я понимал, что это будет вульгарно и пошло. Тем паче она вышла с подругой. Я просто пошел за ними следом, держась на расстоянии, дождался, когда на очередном углу Нина простилась с подругой и поспешила к троллейбусу. Тут наступила пора действовать. Я подошел к ней и сказал:

– Здравствуйте!

Она, конечно, молчала, сделала вид, что не хочет вступать в разговор с каким-то уличным приставалой, и даже ускорила шаг.

– Извините, – сказал я, – может, я обознался. Вы очень похожи на Нину Стрельникову. Или это ваша сестра?

Тут пришел ее черед удивляться. Она не была знаменитой актрисой и знала, что у нее нет такой славы, чтобы ее узнавали на улице. Она остановилась и спросила:

– Откуда вы меня знаете?

– Я не уверен... – играл я смущение. – Просто мне кажется, что мы с вами или, может, с вашей сестрой были в какой-то компании. Но если я ошибся – извините... – Я сделал ложное движение, будто собираюсь уйти, но именно это и заставило ее удержать меня.

– Постойте, у меня нет сестры, а Нина – это я...

Нужно ли говорить, что я поехал проводить ее до дома, но мы еще долго гуляли вокруг ее квартала.

Помню, мы присели в скверике, я взял ее руку и стал «гадать» по линиям мягкой доверчивой ладони. Пристально вглядываясь в эти линии (я в них, конечно, ничего не понимал), я медленно, с паузами говорил:

– Вы были замужем, мне кажется. Да, я вижу, вы были замужем, но недолго... Отец ваш не то милиционер, не то какой-то военный. Во всяком случае, он носит форму, это я тут вижу... А мама... нет, про маму тут ничего определенного, – она скорее всего жива, но не работает... Да! Вот еще! У вас есть ребенок, ему не больше трех лет. Только тут не видно – девочка или мальчик...

Поразить женщину! Это первый залог победы. Не важно, чем поразить, – талантом, силой, наглостью или даже пошлостью и цинизмом, но поразите ее при знакомстве – и она ваша. Нужно ли говорить, что на следующий же день я привел эту Нину в квартиру моего школьного приятеля?

О, это была замечательная схватка! «Молодой ястреб терзал свою первую сладкую жертву с вожделением и ненасытной жадностью» – так написали бы в каком-нибудь женском романе. Я же скажу проще: все, что я знал, все, чему обучила меня моя Верховная Учительница, весь арсенал приемов, положений и изысков я с юношеской неопытностью бросил в бой – не для того, чтобы поразить Нину, нет, а для того, чтобы перед этой все-таки уже опытной (была замужем) женщиной не уронить свой мужской престиж, не выглядеть неумелым и неопытным юнцом. Но очень скоро я понял, что балерина и мать ребенка не знает и половины того, что знаю я. Два-три положения – одно снизу и пара сверху – вот и все, чему научила ее супружеская жизнь. И тут я понял, каким владею оружием. При каждом новом положении Пиночка опасливо вскрикивала, но очень скоро ее тренированное балетное тело научилось без страха слушаться приказа моих рук, и всему, что делала когда-то Ирка, я теперь обучал Нину. Нужно сказать, что ей было далеко до Иркиной изысканности в сексе, но зато в ней было то, что всегда приносит удовольствие мужчине, – неопытность. Я, двадцатилетний учитель, поддерживал над своими чреслами ее бело-матовые ягодицы и говорил:

– Тихо! Не спеши! Медленно! Вот так! Еще медленней! А теперь вверх! Да. А теперь опускайся, но не спеши...

Мой умелый матерый Брат уже не дергался вверх, навстречу ее розово-байковой щели, он стоял твердокаменно и мощно, как Александрийский столп, как образцовый воин на боевом посту. А она, балетная солистка нашей оперетты, сидя на нем, исполняла танец живота. Да, танец живота, и танец баядерки, и еще какие-то танцы из оперетт она исполняла надо мной под музыку грампластинок, насаживаясь на Брата, вертясь на нем и взлетая над ним и снова погружая его в мягкую теплынь, в розовую нежность. Я уже в это время хищными руками млял ее белую торчащую грудь или совал свои пальцы ей в рот, заставляя сосать их, облизывать, приучая ее тем самым к будущему минету.

Потом, затихшая, изумленная, обалдевшая от того «растления», которому она, провинциальная тихая девочка, вдруг поддалась, она лежала, спрятав от меня в подушку лицо, не

желая разговаривать со мной, стыдясь своего беспутства. А я, насмешливый и голый, покуривал в постели и ждал очередного прилива сил, и гладил ее по слабо отталкивающим мою руку бедрам. Ее белое, кремовато-белое тело, ее льняные волосы, которыми во время наших антрактов я часто оборачивал своего Брата, ее зеленые, просящие снисхождения глаза возбуждали меня чрезвычайно, и после десяти–пятнадцатиминутной паузы я набрасывался на нее снова, вернее – вновь набрасывал ее на себя. Да, Ирка научила меня беречь силы, моя учительница, моя Верховная Учительница навек внушила мне, что высшее мужское удовольствие – отнюдь не кончить, а видеть, как тает над тобой (или под тобой) женщина, как дрожит в экстазе ее тело, как стонет и кричит она в момент оргазма – до слез, до судорог – и как потом медленно опадают ее плечи и клонится куда-то пустое, истомленное, благодарное и покорное тело. В этом победа! Не в том, чтобы трахнуть, ввести свой член в женское тело и кончить, это еще не победа, это так, полукайф, но вот увидеть, почувствовать членом и телом, что все ее тело сдалось и пало, опустошенное, и гладить его, вздрагивающее, и – не спешить, а, не вынимая, дать ей чуть отлежаться и возбудить снова, и вновь довести до экстаза, до стоны, до крика и опустошения, и так по несколько раз кряду, – о, мы с Нинкой очень скоро достигли в этом большого прогресса. Она оказалась, как говорится, «мой размер». Среднего балетного роста, но не худая, а как раз то, что надо для рук, которые любят мять женскую плоть, гибкая, с хорошими сильными ногами и упругой задницей, с которой она на ежедневных тренировках и балетных занятиях сгоняла лишний вес, – моя первая балерина Нина Стрельникова быстро вошла во вкус верховой езды на моем пенисе и вытворяла на нем черт-те что, уже забавляясь своим мастерством и искусством. Конечно, я научил ее минету и – спустя какое-то время – пробился ей в задний проход, и теперь мы уже с ней на пару занимались поисками новых изысков.

Помню, однажды я ждал ее после очередного спектакля «Бахчисарайский фонтан», она танцевала там танец негрityнки, и я впервые увидел – вышла на сцену вся выкрашенная какой-то черной краской неузнаваемая негрityночка темно-шоколадного цвета с зелеными глазами. О, что было с моим Младшим Братом! Он вздыбился, он вскочил, он напрягся, вытянувшись из шестнадцатого ряда чуть ли не прямо на сцену. Я бросился за кулисы. Я перехватил ее, когда она, еще в отпесках аплодисментов, бежала в гримуборную, чтобы каким-то маслом снять с себя черную краску и выскочить ко мне на улицу. Я остановил ее:

- Стоп! Поехали прямо так!
- Как так? Я же вся в краске, черная?! – изумилась она.
- Вот именно! Сегодня ты будешь черная, негрityнка!
- Но мы измажем все простыни!
- Черт с ними! Я хочу тебя негрityнкой!

И еще много раз после «Бахчисарайского фонтана» я забирал ее неразгримированной, и – с «негрityнкой»! – на такси, в самом центре России, под изумленными взглядами обалдевших прохожих, мы мчались на квартиру моего приятеля и пачкали его простыни черной ваксой, каким-то темно-шоколадным гримом. Но зато – черная женщина с зелеными глазами, негрityнка со льняными волосами прижималась к моим чреслам с новизной первого обладания...

Да, вот что такое влияние театра! Теперь вы понимаете, почему я стал театральным администратором, а потом – администратором телевидения...

Сейчас уже трудно восстановить хронологическую последовательность побед юного сексуального бандита, да и ни к чему – кому это интересно? Но вот уверенность в совершенстве усвоенного от Верховной Учительницы метода и результаты применения этого метода – волшебные, удивительные результаты – это, пожалуй, заслуживает внимания. Итак, следующая глава.

Глава 5

Как я излечиваю женскую импотентность

*..., ...! опять взываю,
Опять желаньем изнываю,
О ней я не могу писать,
Бурлят во мне и бродят страсти,
Но для себя их за напасти
Не буду никогда считать,
Не смолкнет петь моя их лира...
Я знаю: при кончине мира
... наш идол и кумир
Последняя оставит мир.*

Г. Державин

Трудно поверить, что огромное количество красивейших женщин, имеющих уверенный и постоянный успех у мужчин, часто замужних, так и не познали удовольствие оргазма...

Эта фраза сама просится в лекцию какого-нибудь занудливого очкастого сексолога или психотерапевта. Я уверен, что во время такой лекции этот очкарик будет говорить о раскрепощении духа, умственной настройке на предмет удовольствия, утренней гимнастике и теплых ваннах, а на приеме в своем кабинете будет пальцем «разрабатывать» во влагалище у пациентки какие-нибудь «заторможенные эрогенные точки». В лучшем случае это кончится тем, что, выкачав из пациентки немалые деньги, он уже навсегда приучит ее к пальцу и, говоря высокопарно, навек лишит божественного удовольствия пользоваться нормальным мужским членом.

Женщин, прошедших такой курс лечения, прошу ко мне не обращаться! Не терплю перелечивать. Но вот лечить – пожалуйста. Никакой утренней гимнастики, никакой психотерапии и прочей нудистики, включая пальцетерапию. Лечу только пенисом – собственным, трудолюбивым и многострадальным. Лечу по методу своей Верховной Учительницы и, как любой врач, признаю только свой метод и горжусь особо трудными, клиническими случаями.

Вот типичный случай из практики моего Бюро Половой Помощи, как я сам себя называю.

«Пациентка» Петрова, 30 лет, английская переводчица из Внешторга, стройная, красивая брюнетка, похожая на американскую актрису Кэтрин Хепберн. Мы познакомились на какой-то загородной новогодней вечеринке, где она была Снегурочкой и королевой вечера, где все мужики наперебой лезли с ней танцевать, пили шампанское из ее тувель и на руках носили ее вокруг новогодней елки. Трахнул ли ее кто-нибудь из них в ту новогоднюю ночь – не знаю, я не лез к ней, я был с какой-то своей очередной девочкой, которая меня вполне устраивала на эту ночь. Потом мы всей компанией катались на лыжах в хвойном подмосковном лесу, потом гуляли в пригородном ресторане и, как всегда бывает, шумно разъехались по домам, пообещав друг другу, что и следующий Новый год будем встречать вместе.

Прошел и год, и два, и три – мы с ней не встречались. И вдруг лицом к лицу столкнулись на улице Горького. Привет – привет, как жизнь, как дела – обычный дежурный треп при случайной встрече, обмен телефонами, и – разошлись. А через неделю, как-то поздно вечером, после одиннадцати, когда нормальные люди уже и не звонят друг другу, я случайно нашел в кармане бумажку с ее телефоном и – набрал номер. Сонный недовольный голос сказал: «Алло».

– Ты уже спишь, дорогая? – спросил я нежно, балуясь.

– Кто это?

– Ну кто это может быть? Ты уже в постели? Я сейчас приеду. Ты уже приняла ванну?

– Андрей, это вы? Что за шутки?

– Алла! Такая роскошная женщина, как ты, не имеет права пропадать в своей постели в одиночестве. Я не могу этого допустить. Моя мужская совесть не позволяет. Я уже отсюда вижу тебя всю под одеялом – это потрясающе, меня уже в жар бросает. Я беру такси и еду к тебе!

– Андрей, вы пьяны, я сейчас повешу трубку.

– Это будет роковой отбой. Я не доживу до утра. Жди меня, я буду у тебя через восемь минут, целую.

Конечно, я никуда не поехал, у меня и адреса-то ее не было, но дня через три-четыре я позвонил ей опять и повел ту же игру, только еще активней.

– Все! Все! Не могу больше! – кричал я в трубку.

– Где ты была? Где ты пропадала все эти дни?! Я ломился к тебе в дверь! Я не спал ночами! Я умираю от желания! Срочно – прими душ и в постель, я буду у тебя через две минуты, мне будет некогда ждать, пока ты разденешься!..

– Андрей, у меня гости!.. – прервала она.

– Никаких гостей! Всех – вон! И сама – в постель, немедленно! Я уже выезжаю!

Так продолжалось с месяц. Я звонил ей примерно раз в пять-шесть дней и кричал в трубку: «Ой, как я тебя хочу! Ой, как я тебя хочу!» И она уже приняла эту игру, и отвечала мне, смеясь, грудным, действительно возбуждающим меня голосом:

– Андрей, никогда не думала, что ты такой безумный.

– Я безумный! – подхватывал я. – Ты даже не знаешь, какой я безумный, особенно с брюнетками, похожими на Кэтрин Хепберн...

После этого разговора я спокойно трахал какую-нибудь очередную теледевичку, но я уже точно знал, что там, по ту сторону провода, Аллочка Петрова засыпает на полчаса позже обычного, распаляя свое фарфоровое личико и тело ожиданием моих «безумств».

Примерно через месяц этой телефонной ахинеи я как-то совершенно иным, деловым тоном сказал ей, что мы на телестудии получили из Лондона предложение о совместной постановке многосерийного фильма об экспедиции Нобеля на Северный полюс и мне нужна ее помощь – перевести пару страниц.

– Андрей, но никаких безумств! – сказала она, диктуя свой адрес.

– О чем ты говоришь?! И даже не смей принимать ванну! Вообще я импотент. Во всяком случае – на сегодня.

Я приехал с английской рукописью, букетиком цветов и бутылкой армянского коньяка.

В однокомнатной, уютной, со стеллажами английских книг квартире меня встретила женщина в японском халатике, точеные ноги, фарфоровое личико, влажные бархатные глаза Кэтрин Хепберн. Первая неловкость была снята деловым переводом с английского, но уже через пару минут я положил ей руку на плечо, и она замерла, прервавшись, и взглянула на меня своими глубокими темными глазами. Мы ринулись в постель.

И тут, при первых же синхронных движениях наших тел, я понял, что имею дело не с подлинной страстью и трепетом, а с их имитацией. Есть женщины, которые до того насобачились имитировать темперамент, что вы не скоро отличите, отдается она вам от души или только изображает страсть.

Но Аллочка Петрова не умела играть. Ее роскошное тело, ее бедра, грудь, живот, ноги – все было гуттаперчево-податливым и гуттаперчево-бездушным.

Может быть, для всех ее предыдущих мужиков это не имело значения, или они и не чувствовали этого, но я, обученный Верховной Учительницей следить за каждой волной чувственности своей партнерши, я, привыкший получать удовольствие от запаха и трепета возбуждения обладаемой мной женщины, – я остановил процесс:

– В чем дело? Ты меня не хочешь?

Она отвернулась, заплакала. И, плача, призналась, что практически ничего не чувствует. Ни удовольствия, ни наслаждения оргазмом – за всю свою женскую жизнь не испытала оргазма

ни разу! Много раз ходила к врачам и сейчас ходит, пьет какие-то таблетки и посещает по их рекомендации бассейн каждый день (и действительно тело у нее было будто точенное водой), но толку никакого нет.

Мне стало жалко ее. Она мне нравилась, мы уже месяц разговаривали по телефону, и это нас сдружило, и я решил ей помочь. Нужно сказать, то была длительная и непростая работа. Целый месяц я приезжал к ней по два-три раза в неделю, оставался ночевать, и то были многотрудные для моего Младшего Брата ночи. Первым делом я должен был заставить ее полюбить его. Любой пациент на хирургическом столе мысленно сконцентрирован на скальпеле, которым возится в его теле хирург, и если этот хирург бездарен, если это и не хирург вовсе, а так – грубый, неумелый мясник, то вы будете бояться скальпеля всю вашу жизнь. Все мужчины, которые были у Петровой до меня, задвигавшие в нее свой член и ворочавшие в теле этим предметом как механическим поршнем, были не мужчинами в полном объеме этого слова. Они всаживались в ее тело, они харили ее, шворили, драили, и она терпела боль и тупое трение в покорном ожидании, что, может быть, хотя бы в конце операции произойдет Нечто. Но Нечто не происходит таким образом. И в результате мышцы ее влагища стали просто гуттаперчево-бездушными, как бы предохраняющими себя от боли, и смазка не выделялась даже при длительном акте, и они трахали ее всухую, что приносило ей только дополнительную боль.

Роскошная женщина с прекрасным телом, упругой грудью, длинными ногами, маленькими ягодицами, тонкой шеей и глубокими карими глазами стала просто гуттаперчевой куклой, в которую можно было кончить без всякой опасности, – и только.

Я повторяю – с ней были немужчины. Вообще Настоящий Мужчина – это, похоже, редкое явление, как и Настоящая Женщина. Говорят, у древних евреев было двенадцать Колен Израилевых, двенадцать родов, но только одному из них – левитам – было разрешено служить священниками. Я думаю, что на двенадцать мужчин в лучшем случае приходится один, который умеет и достоин священнодействовать своим членом, посвящая девочек в Женщины. Потому что половой акт – особенно с новообращенными – это не просто акт, а, конечно, священнодействие, это передача из поколения в поколение открытия наслаждения сексом, сделанного Адамом и Евой. Я приступил к делу.

То, что она плакала, было хорошим признаком, это означало, что она еще хоть что-то чувствует, хотя бы стыд, а не общую тотальную ненависть к мужчинам.

Я успокоил ее, как сестру. Я прижал ее к себе, тихо гладил по волосам и плечам и говорил ласково, как ребенку:

– Ничего, девочка, ничего, это не страшно. Просто ты имела дело не с теми мужчинами. И твой первый мужчина был не мужчина, он обманул тебя. У него был член, как у мужчины, и руки, как у мужчины, и ноги, как у мужчины, но это был механический мужик, робот. Представь себе, что все, с кем ты спала, были просто манекены. Манекены – и только. А мужчин еще не было, у тебя еще вообще не было мужчин, и сегодня тебе опять пятнадцать лет. Ты маленькая девочка, ты ничего не знаешь, тебе просто хочется чего-то, но ты еще даже не знаешь чего. Дай я тебя поцелую. Нет, не так, не спеши. Только прикоснемся губами. Только губы...

Я целовал ее, и она целовала меня, но даже в ее поцелуях еще не было чувственности. Но я был упрям. Я отстранял ее от себя, мы просто лежали в постели, как дети, и я рассказывал ей какие-то истории, невинные, как детские сказки, скажем, рассказы Аверченко, стихи Есенина или даже просто читал ей вслух Валентина Распутина, Зощенко, Бабеля. Это отвлекало ее. Лежа голые в постели, мы чувствовали себя не самцом и самкой, а детьми, и потом, когда волна благодарности – не чувственности, а только благодарности – поднималась в ней, я позволял ей себя целовать. Она и целоваться-то не умела! Она тыкалась губами мне в губы, потому что хотела хоть как-то выразить мне свою признательность, но и я не торопил ее, я ждал, когда хоть искра чувственности начнет управлять ее губами. Ведь ни в какой женщине нельзя убить женщину до конца!

Я ждал. Она, как кутенок, тыкалась в меня, а я лежал на спине и нежно, в одно касание, гладил ее по спине, и чувствовал грудью ее грудь, и позволял ей целовать меня так, как она умела. И что-то просыпалось в ней – после моих губ она переходила к плечам, к моей груди, к животу, к паху. Она словно приучалась к моему телу, привыкала к нему, приживалась. Я в любую минуту мог опрокинуть ее и трахнуть, но я не делал этого. Я даже не лез руками к груди, не мял ее и не возбуждал лаской, не трогал живота и, уж конечно, не лез к ее Младшей Сестре. Я называл ее «девочкой» и позволял этому тридцатилетнему ребенку открывать мое тело, как новую интересную книгу.

Помню, она долго ласкала моего Братца задумчиво-томительными пальцами, быстро проводила по нему осторожными ногтями, а потом гладила щекой и целовала, но больше я не разрешал ей делать ничего, чтобы ее просыпающаяся чувственность не ушла по другому руслу.

Можете представить состояние тридцатилетнего мужика, который лежит в постели с роскошной бабой, она ласкает, нежит, целует и возбуждает его, но, даже когда эта женщина открывает свои вишневые губки и приближает их к головке Младшего Брата, он говорит: «Только поцелуй. Только поцелуй, но не соси». Боже мой, как хотелось мне в ту минуту войти в ее влажный, теплый рот, но я терпел. Я ждал. Я видел, что она настраивает себя на секс так же механически, как делала это с другими, но мне нужно было сломать этот отработанный ритуал притворства, и я ломал его темпом. Я уверен, что все ее предыдущие мужики после первого пробега ее губ по их телу немедленно совали в нее свой пенис и тут же обрывали ту тонкую нить чувственности, которая, может быть, уже пробуждалась в ней.

Я растянул этот процесс. Я не только позволял ей по часу целовать меня, но и сам затем целовал ее грудь, спину, плечи, живот в поисках наиболее чувствительного у женщины места. Но все – грудь, живот, плечи, задница, лобок, клитор, шея, уши – все в ней было практически бесчувственно, заезжено или затерто другими. И лишь когда я случайно поцеловал ее в сгибе локтя, она замерла.

Знаете, так бывает, когда утром в суровую зиму выходишь к машине, поворачиваешь ключ и слышишь, как аккумулятор всухую крутит промерзший двигатель, – нет искры. Пробиешь еще и еще раз – глухо, не хватает зажигания. Уже теряешь терпение, уже сажаешь аккумулятор, а потом тупо сидишь и ждешь, когда он отдохнет, и пробуешь снова, и понимаешь, что, похоже, придется идти пешком, и вдруг почти случайно – трах-тах-тах! – промелькнула искра, еще не схватило зажигание, но уже промелькнула искра...

Так было и с Аллой Петровой. Ни разговорами, ни ласковым кружением рук по ее груди, бедрам, животу, спине, шее я не мог разжечь искру, но, когда я случайно поцеловал ее в сгиб локтя, она вдруг замерла. Я осторожно поцеловал еще и ощутил: есть искра! Будто луч света мелькнул в глубине туннеля, еще неясная, но обнадеживающая свеча.

Я не буду рассказывать вам каждый день или, точнее, каждую ночь в том томительно-длинном месяце излечения. Я скажу только, что через пару дней, уяснив, что ее можно возбудить неподдельно, я стал примерять метод моей Верховной Учительницы. Потратив, может быть, час на осторожные, небурные, замедленно-томительные общие ласки, я вдруг целовал ее в сгиб локтя, а потом переходил на грудь, и снова сгиб локтя, снова к груди или животу, пытаюсь передать искру всему телу. И когда мне казалось, что – есть зажигание! – схватило что-то, я поднимал ее, как ребенка, на себя, усаживал на корточки над моим Младшим Братом, и мы превращались в балующихся детей – ее Младшая Сестра только касалась моего Братца своими губками, ниже я не позволял ей опускаться, ну разве что на какой-нибудь микрон, никак не больше. При этом я снова целовал ее в сгиб локтя и, держа ее руками за бедра или ягодицы, опускал ее сиренево-жаркую расщелину на вздыбленную голову моего Братца. Так она целовала его подолгу, и вот это касание – мягкое, быстрое касание – должно было расслабить гуттаперчево-резиновые мышцы, избавить их от привычной судороги самозащиты.

Нежность! Вот еще одно простое оружие, которым можно разбудить даже каменную бабу.

Когда она уставала сидеть надо мной и, возбуждаясь, припадала ко мне всем телом, я перекалывал ее на спину и ложился на нее, но не наваливался, а, поддерживая себя на выпрямленных руках, продолжал эту операцию – ее ноги были распахнуты вокруг моих бедер буквой «У», а мой Младший Брат все играл с ее Младшей Сестрой, испытывая ее на томление.

Нужно сказать, что другая, нормальная, баба не выдержала бы и трети того срока подготовки, который я тратил на Аллу. Даже моя Верховная Учительница уже давно насела бы на меня, и мы, уже не владея собой, понеслись бы вскачь с неконтролируемым остервенением. Но с Аллой этого не происходило. Она не заводилась очень долго, недели две. Некоторое возбуждение, которое она испытывала периодически, было краткосрочным и недостаточным для того, чтобы включился весь организм.

Но я не сдавался. Конечно, когда я сам уже изнывал, когда я чувствовал, что выхожу на финишную прямую, я сажал Аллу к себе на колени и сидя, медленными ступеньками вводил своего Брата, посиневшего от нетерпения, в ее тело, поощряя ее смотреть, как это происходит. Она поначалу стеснялась, но я говорил:

– Да ты посмотри! Это же красиво! Это же Бог сотворил! Смотри, как красиво он устроен, какая церковная головка, а у тебя здесь такие мягкие губки – специально, чтобы обнимать его и пропустить в себя. Запомни, тебе сейчас пятнадцать лет, ты еще девочка, и это – первый раз, все в первый раз, потому что такого ласкового, такого доброго друга, как мой Младший Брат, у тебя еще не было. Сейчас я войду, очень медленно, очень медленно и ласково, ну, расслабь свои губки, расслабь, не бойся...

Она смеялась и плакала, и я входил в нее, даю вам слово, уже не так, как все ее предыдущие мужчины. Я медленно шевелил ее бедра на моих чреслах, мой Братец совершал в ее недрах тихие колебательные движения, добираясь в конце концов до стенки матки, но тут же и уходил обратно – так же не спеша, даже еще медленней, любая баба в этот момент обмирает от истомы, поверьте.

Через две недели таких упражнений у Аллы стала появляться смазка, и тут надо было резко изменить «курс лечения», чтобы вместе со смазкой она не привыкла кончать медленно, вразяжку, а чтобы добиться бурного, как вспышка, оргазма.

Как говорят по радио при утренней физзарядке, я перешел «к новым процедурам». Распалить ее, зажечь ее чувственность было уже несложно, она стала, я бы сказал, с любовью заниматься этим делом, и при каждом моем новом появлении меня ждала ухоженная, чистая женщина с сияющими глазами Кэтрин Хепберн, легкий ужин с вином и постель с чистыми, свежими простынями. Я тоже приезжал с цветами, в свежей рубашке, гладко выбритый и отдохнувший после работы, – все в этом спектакле возрождения женщины было крайне важно, все до деталей.

После ужина я поднимал ее на руки и нес в постель, и мы не спеша раздевали друг друга. Я целовал ее шею, плечи, живот, грудь и затем – в сгиб локтей, и при этом одна моя рука ныряла к ее лобку и легко, нежно гладила там пушок. Теперь она зажигалась быстро – когда я пальцем касался ее Младшей Сестры, я уже чувствовал не сухие, а влажные, смазанные и приотворенные в ожидании губки.

И тогда я входил в нее, и вскидывал ее на себя, и, вытянувшись под ней на спине, уже не стесняясь, в такт наших движений терзал ее грудь, мямлил ее, выгибал ей шею и руководил ее телом – быстро вверх и медленно, очень медленно, ступеньками вниз, вошла и вышла, вошла и вышла, а теперь можно чуть ниже, и снова вверх, не спеша, не надо сразу до конца...

Она распалась, я видел это. Ее вишневые глаза закрывались, губы приоткрывались, обнажая влажные белые зубы, ее волосы падали за плечи с откинутой назад головы. Но как только в ее движениях надо мной намечался какой-то механический, однообразный ритм, я менял его, я тут же поворачивал ее на себе боком или спиной, я приподнимался сам, мы ложились крестом или на бок – я постоянно добивался новизны в ее ощущениях, я приучал ее к

творчеству в сексе, не к механическому втиранию друг в друга, а к творческому выдумыванию нюансов акта.

Еще через две недели был ее первый оргазм.

Боже, что с ней творилось! В минуту оргазма она застонала, замерев надо мной и выпрямившись спиной так, будто ее пронзает удар молнии в 100 тысяч ватт. Боясьдохнуть приоткрытым ртом, боясь шевельнуться (но я при этом осторожно шевелил Братом, чтобы колебать внутри ее эрогенную точку), она стонала, хрипло, прерывисто, а затем низкое, прерывистое «О, мама-а...» пошло через ее горло, а потом она опала на мне медленно-изломанным телом, и соленые слезы упали мне на лицо и плечи, и она стала целовать меня всего – истово, как верующая паломница. Она целовала мне лицо, шею, грудь, живот и – с особой истовостью – моего Младшего Брата – его пух и головку, его ствол и корень. Тут я позволил ей сделать мне минет.

О, этот минет благодарности! Когда ублаженная женщина, только что пережив новизну оргазма, еще вся ваша, и все ее тело благодарит вас каждой клеткой, и ее рот полон любви к ее благодетелю! Вы можете делать что угодно, вы можете войти в горло так, что ей и дышать уже нечем, – она будет терпеть, и потом – в зависимости от вашего желания – вы можете кончить в небо, под язык, в глубину рта или даже в самое горло, и она вытерпит, со слезами благодарности вытерпит, и проглотит вашу сперму, и еще оближет вас разгоряченными и солеными от слез губами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.